

**Джон Паркс Лукас
Бейнон Харрис Уиндем
Большой простофиля**

файл с книжной полки Несененко Алексея<http://www.geocities.com/SoHo/Exhibit/4256/>

Содержание

Джон Уиндем

5

Джон Уиндем

Большой простофиля

– Знаешь, – с удовлетворенным видом воскликнул Стефен, – если запустить эту ленту таким вот образом, мы услышим мой голос, только шиворот-навыворот.

Дайлис отложила книгу, взглянула на мужа. На столе перед ним стояли магнитофон, усилитель и всякие другие мелочи. Путаница проводов соединяла все это между собой, со штепсельной розеткой, с огромным репродуктором в углу и с наушниками на голове Стефена. Куски магнитофонной ленты устилали пол.

– Новое достижение науки, – холодно сказала Дайлис. – По-моему, ты собирался всего-навсего подправить запись вчерашней вечеринки и послать Майре. Она ей очень нужна, я уверена, только без всех этих фокусов.

– Да, но эта мысль пришла мне в голову только что!..

– Боже, посмотри, что ты тут натворил! Словно здесь устраивали бал телеграфной аппаратуры. Что хоть это такое?

Стефен поглядел на обрывки и кольца магнитофонной ленты.

– О, здесь записано, как все вдруг принимаются говорить разом, есть куски нудного рассказа, который

Чарльз вечно всем навязывает... Есть нескромности... и всякая всячина...

– Судя по записи, нескромностей на этой вечеринке было гораздо больше, чем нам тогда казалось, – сказала она. – Прибери-ка ты тут, пока я приготовлю чай

– Но почему бы тебе не прослушать пленку? – воскликнул Стефен.

Дайлис остановилась в дверях.

– Ну, скажи на милость, с какой стати я должна слушать твой голос да еще шиворот-навыворот? – спросила она и вышла.

Оставшись один, Стефен не стал наводить порядок. Вместо этого он нажал пусковую кнопку и стал с интересом слушать забавную белиберду – запись его собственного голоса, запущенную задом наперед. Потом он выключил магнитофон, снял наушники и переключил звук на репродуктор. Он заметил, что, хотя в интонациях голоса сохранялось что-то европейское, разобрать это в каскаде бессмысленных звуков было не легко. Ради опыта Стефен вдвое сократил скорость и увеличил громкость. Голос, теперь на октаву ниже, принялся выводить глубокие, раздумчивые, невероятные звукосочетания. Стефен одобрительно кивнул и откинул голову назад, вслушиваясь в сочное рокотание.

Вдруг раздался шипящий звук, как будто паровоз выпустил струю сжатого пара, и налетела волна теплого

воздуха, пахнувшего горячим шлаком.

От неожиданности Стефен подпрыгнул и чуть не перевернул стул. Опомившись, он схватился за магнитофон, поспешно нажимая кнопки, щелкая переключателями. Сразу замолк репродуктор. Стефен с беспокойством обследовал аппаратуру в поисках повреждения, но все было в порядке. Он вздохнул с облегчением, и именно в этот момент каким-то непонятным образом почувствовал, что он уже не один в комнате. Стефен резко повернулся. Челюсть его отвалилась почти на дюйм, и он сел, рассматривая человека, стоявшего в двух шагах от него.

Человек стоял навтыжку, держа руки по швам. Он был высок – верных шесть футов – и казался еще выше из-за своего головного убора – цилиндра невероятной высоты с узкими полями. На незнакомце были высокий накрахмаленный воротничок с острыми углами, серый шелковый шарф, длинный темный фрак с шелковой окантовкой и лилово-серые брюки, из-под которых высывались блестящие черные туфли. Стефену пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть его лицо. Оно было приятное на вид и смуглое, словно загорело под средиземноморским солнцем. Глаза были большие и темные. Роскошные усы вразлет сливались с хорошо ухоженными бакенбардами. Подбородок и нижняя часть щек были гладко выбриты. Черты его лица вызвали в памяти смутные воспоминания об

ассирийских скульптурах.

Даже в первый момент – момент растерянности – у Стефена возникло впечатление, что при всей нелепости такого наряда в нынешних обстоятельствах в надлежащее время и в надлежащем месте он считался бы вполне солидным и даже элегантным.

Незнакомец заговорил.

– Я пришел, – заявил он довольно торжественно.

– Э-э... да-да... – сказал Стефен. – Я... э-э-э... я это вижу, но я как-то не совсем...

– Вы звали меня. Я пришел, – повторил человек с таким видом, будто его слова должны были все объяснить.

Вместе с замешательством Стефен почувствовал раздражение.

– Но я не произнес ни слова, – возразил он. – Я просто сидел здесь и...

– Не волнуйтесь. Вот увидите, вам не придется раскаиваться, – сказал незнакомец.

– Я не волнуюсь, я просто сбит с толку, – сказал Стефен. – Я не понимаю...

Незнакомец ответил с оттенком нетерпения, без всякого пафоса на сей раз:

– Разве вы не построили железную Пентограмму? – Оставаясь неподвижным, он сложил три пальца правой руки таким образом, что указательный, затянутый в лилово-серую перчатку палец вытянулся, указуя

вниз. – И разве вы не произнесли Слово Власти? – добавил он.

Стефен взглянул туда, куда показывал палец. Пожалуй, подумал он, несколько кусков ленты на полу и образуют геометрическую фигуру, имеющую сходство с пятиугольником. Но железная пентограмма, сказал этот тип... Ах да, ну, конечно же, ферритовая пленка... Хм, ну хорошо, допустим... что-то тут есть...

Хотя Слово Власти... Впрочем, голос, говорящий за дом наперед, мог набрести на какое угодно слово.

– Мне кажется, – сказал Стефен, – тут какая-то ошибка, совпадение.

– Странное совпадение, – скептически заметил человек.

– Что тут странного? Ведь совпадения иногда случаются, – сказал Стефен.

– Никогда не слышал, чтобы такое случилось. Никогда, – сказал незнакомец. – Если уж меня или моих друзей вызывают подобным образом, то всегда ради какого-нибудь дела. А уж дело свое мы знаем!..

– Дело? – переспросил Стефен.

– Дело, – подтвердил человек. – Мы с удовольствием удовлетворим любое ваше желание. А у вас есть собственность, которую мы с удовольствием приобщим к нашей коллекции. Для этого нужно всего лишь договориться об условиях. Затем вы подписываете договор – свою кровью, разумеется, – и дело в шляпе.

Именно слово «договор» приоткрыло немного завесу. Стефен вспомнил запашок горячего шлака, наполнивший комнату при появлении незнакомца.

– Ага, начинаю понимать, – сказал Стефен. – Ваш визит... Значит, я вызвал духа. Вы не кто иной, как сам Са...

Незнакомец, сдвинув брови, прервал его:

– Меня зовут Бэтруэл. Я один из доверенных представителей моего Господина и располагаю всеми полномочиями для заключения договора. А теперь, если вы будете столь любезны и освободите меня от этого пятиугольника, слишком для меня тесного, мы со всеми удобствами обсудим с вами условия договора.

Некоторое время Стефен рассматривал незнакомца, потом отрицательно покачал головой.

– Ха-ха! – произнес он. – Ха-ха-ха!

Глаза гостя расширились. Он выглядел оскорбленным.

– Я попрошу!.. – произнес он.

– Послушайте, – сказал Стефен, – извините меня за досадный случай, который привел вас сюда. Но поймите, здесь вам делать нечего, абсолютно нечего, независимо от того, что вы собираетесь предложить.

Некоторое время Бэтруэл в задумчивости изучал Стефена. Затем он слегка поднял голову, и ноздри его затрепетали.

– Очень странно, – заметил он. – Святостью здесь

и не пахнет.

– О, не в этом дело, – заверил его Стефен. – Просто некоторые из ваших делишек хорошо нам известны, и – что весьма существенно – известны и последствия: не было случая, чтобы вступивший с вами в союз рано или поздно не пожалел об этом.

– Да вы только подумайте, что я могу вам предложить!

Стефен отрицательно покачал головой.

– Не старайтесь, право, – сказал он. – Я ведь привык отбиваться от вполне современных назойливых коммивояжеров. Мне приходится иметь с ними дело каждый божий день.

Бэтруэл посмотрел на Стефена опечаленными глазами.

– Я больше привык иметь дело с назойливыми клиентами, – признался он. – Ну что ж, если вы уверены, что все это простое недоразумение, мне остается только вернуться восвояси и дать объяснения. Признаться, ничего подобного со мной раньше не происходило, хотя по закону вероятностей и должно было произойти... Не повезло! Ну да ладно. До свидания – тьфу, черт, что я говорю, – прощайте, мой друг, я готов.

Бэтруэл замер, как мумия, и закрыл глаза: теперь и лицо его одеревенело.

Но ничего не произошло.

У Бэтруэла отвалилась челюсть.

– Ну произнесите же! – воскликнул он раздраженно.
– Что произносить? – спросил Стефен.
– Слово Власти! Освобождение!
– Но я его не знаю! Я понятия не имею о Словах Вла-
сти, – возразил Стефен.

Брови Бэтруэла опустились и сошлись у переноси-
цы.

– Вы хотите сказать, что не можете отослать меня
обратно? – спросил он.

– Если для этого необходимо Слово Власти, то, яс-
ное дело, не могу, – сказал Стефен.

Ужас тенью лег на лицо Бэтруэла.

– Неслыханное дело!.. Как же мне быть? Мне совер-
шенно необходимо получить от вас или Слово Освобо-
ждения, или подписанный договор.

– Ну что ж, скажите мне это слово, и я его произне-
су, – предложил Стефен.

– Да откуда же мне его знать? – рассердился Бэтру-
эл. – Я никогда его не слышал. До сих пор те, кто вызы-
вал меня, спешили поскорее сострять дельце и под-
писать договор... – Он помолчал. – Все было бы го-
раздо проще, если бы и вы... Нет? Это просто ужасно,
клянусь вам. Я просто не представляю себе, что тут
делать.

В дверь носком туфли постучала Дайлис, давая
знать, что несет поднос с чаем. Стефен подошел к две-
ри и приоткрыл ее.

– У нас гость, – предупредил он супругу: ему совсем не хотелось, чтобы она от удивления уронила поднос.

– Как же?.. – начала было Дайлис, но когда Стефен открыл дверь пошире, она действительно чуть не выронила подноса. Стефен подхватил его, пока она таращила глаза, и благополучно поставил на место.

– Дорогая, это м-р Бэтруэл... Моя жена, – представил он.

Бэтруэл, все еще стоявший навытяжку, явно смутился. Он повернулся к Дайлис, чуть заметно наклонив голову.

– Очарован, мэм, – произнес он. – Надеюсь, вы извините мои манеры. К несчастью, движения мои ограничены. Если бы ваш муж был настолько любезен и разрушил эту пентограмму...

Дайлис продолжала рассматривать его, оценивающим взглядом окидывая его одежду.

– Боюсь... боюсь, что я ничего не понимаю, – жалобно произнесла она.

Стефен постарался наилучшим образом объяснить ей ситуацию. В конце концов она сказала:

– Ну, я не знаю... Следует подумать, что тут можно сделать, верно? Это не так уж просто – ведь он не какое-нибудь перемещенное лицо. – Она в задумчивости посмотрела на Бэтруэла и добавила: – Стив, поскольку ты уже сказал, что мы не собираемся ничего с ним подписывать, может быть, можно разрешить ему вый-

ти из этого?.. Ему там неловко.

– Благодарю вас, мэм, мне здесь действительно страшно неудобно, – с чувством сказал Бэтруэл.

Стефен в задумчивости помолчал.

– Ну что ж, раз он все равно здесь и мы все о нем знаем, особого вреда от этого не будет, – согласился он.

Стефен наклонился и отбросил в сторону куски ленты на полу.

Бэтруэл вышел из разорванного пятиугольника. Правой рукой он снял с себя шляпу, левой коснулся шарфа на груди. Затем он повернулся к Дайлис, отвесил ей поклон – и сделал это превосходно: отставил носок ботинка, левой рукой будто опираясь на несуществующий эфес шпаги, правой держа шляпу у сердца.

– Ваш покорный слуга, мэм.

Затем повторил это упражнение для Стефена:

– Ваш слуга, сэра.

Стефен ответил на это со всем старанием, сознавая, однако, что до элегантности гостя ему далеко.

Наступила неловкая пауза. Дайлис нарушила ее, предложив:

– Принесу-ка я еще чашечку.

Она вышла, вернулась и повела светскую беседу:

– Вы... э-э-э... вы давно не бывали в Англии, м-р Бэтруэл?

Бэтруэл, казалось, немного удивился.

– Что вас навело на эту мысль, м-с Трэмон? – спросил он.

– О, я... я подумала... – смутилась Дайлис.

– Мою жену приводит в недоумение ваш костюм, – объяснил Стефен. – Кроме всего прочего, простите мою нескромность, мне кажется, вы перепутали различные периоды истории. Например, стиль вашего приветствия примерно поколения на два предшествует вашему костюму.

Бэтруэл, по-видимому, был слегка озадачен. Он оглядел свой костюм.

– Последний раз, когда я был здесь, я особенно внимательно приглядывался к модам, – разочарованно сказал он.

В разговор снова вмешалась Дайлис:

– Пусть это не расстраивает вас, м-р Бэтруэл. У вас прекрасный костюм. А какой материал!

– Но не совсем в современном стиле? – проникновенно спросил Бэтруэл.

– Да, пожалуй, – согласилась Дайлис. – Вы, наверное, все слегка отстали от моды там... где вы... живете.

– Возможно, – признался Бэтруэл. – В XVII-XVIII веке у нас было много дел в этой части света, но уже в XIX количество их прискорбно сократилось. Вообще-то всегда бывают вызовы, но ведь дело случая, кого потребуют и в какой район. И так уж получилось, что в течение XIX века мне пришлось побывать здесь всего

лишь раз, а в этом веке – и совсем ни разу. Так что можете представить себе, какую радость доставил мне вызов вашего мужа, с какими огромными надеждами на взаимовыгодную сделку я сюда явился...

– Ну-ну! Хватит об этом! – прервал его Стефен.

– О да, конечно, примите мои извинения. Старый боевой конь чует запах битвы, вы же понимаете.

Снова наступила пауза. Дайлис задумчиво смотрела на гостя. Всякому, что знал ее так же хорошо, как ее муж, сразу стало бы ясно, что в сердце ее идет борьба и что любопытство берет верх.

Наконец она сказала:

– Надеюсь, ваши... э-э-э... командировки в Англию приносят вам не только разочарования, м-р Бэтруэл?

– О, ни в коей мере, мэм. О визитах в вашу страну у меня сохранились самые теплые воспоминания.

Помню вызов одного алхимика – он жил возле Винчестера, – это случилось, по-моему, в середине XVI века. Он хотел получить хорошее имение, титул, добрую, но родовитую жену. Мы выбрали для него прелестное местечко недалеко от Дорчестера – его потомки проживают там до сих пор, насколько мне известно. Потом, в начале XVII века, был еще один довольно молодой человек. На того напала охота обеспечить себя постоянным приличным доходом и, женившись, проникнуть в высшее общество. Мы его удовлетворили, и теперь его кровь течет в жилах весьма известных персон. А

несколькими годами позже еще один молодой человек (надо признаться, тупой малый) просто захотел стать знаменитым драматургом и острословом. Это было куда труднее сделать, но нам и это удалось! Не удивлюсь, если его имя помнят до сих пор. Это был...

– Все это очень хорошо, – снова прервал его Стефен. – Для потомков это одно удовольствие. Но каково предкам?

Бэтруэл пожал плечами.

– Сделка есть сделка. Контракт заключается добровольно, – убежденно сказал он. – Хотя я здесь давно не был, – продолжал он, – но от своих сослуживцев знаю, что требования клиентов, хотя и изменились в деталях, по существу остались теми же. По-прежнему ценятся титулы, особенно женами клиентов; положение в обществе, хотя бы и в таком, каким оно стало теперь. Ну и, конечно, приличная загородная вилла в Мейфере, – теперь мы оборудуем в. у. и pied-deterre¹. Вместо конюшни мы теперь можем предложить закрытый «бент-роллслей», даже личный самолет... – с мечтательным выражением на лице говорил Бэтруэл.

Стефен почувствовал, что самое время вмешаться в разговор.

– Подумаешь, «бент-роллслей»! В следующий раз повнимательнее изучите «Справочник потребителя».

---

¹ всеми усовершенствованиями, pied-deterre(франц.) – участок земли (прим. переводчика).

И я вам буду очень обязан, если вы перестанете искушать мою жену. Не ей придется расплачиваться за это.

– Нет, конечно, – согласился Бэтруэл. – Между прочим, это весьма характерно для женщины. Она платит за то, что получает, но чем больше она получает, тем меньше платит. У вашей жены жизнь стала бы куда легче: никакой работы, слуги...

– Пожалуйста, перестаньте! – взмолился Стефен. – Поймите, ваша система устарела. Мы поумнели. Ваша система потеряла всякую притягательную силу.

На лице Бэтруэла отразилось сомнение.

– Если судить по нашим отчетам, мир еще далеко не безгрешен, – возразил он.

– Предположим. И все-таки даже самая безнравственная часть его не нуждается в ваших старомодных услугах. Люди предпочитают получить побольше, заплатив поменьше, если уж приходится платить.

– Это же не этично, – пробормотал Бэтруэл. – Должны же быть моральные устои!

– Возможно, но тем не менее это так. Кроме того, мы теперь более тесно связаны друг с другом. Ну, например, как, по-вашему, согласовать неожиданное получение мною титула с именным указателем Дебре? Или внезапное обогащение с инспекцией Подоходного налога? Или даже появление нового особняка с Городским Управлением? Нужно уметь смотреть фактам в глаза.

– О, думаю, все это можно уладить, – сказал Бэтруэл.

– Ничего у вас не выйдет. Сейчас существует только один способ разбогатеть – это... Постой... – Он резко оборвал себя и погрузился в размышления.

Бэтруэл обратился к Дайлис:

– Какая жалость, что ваш муж так несправедлив к себе. У него же незаурядные способности. Это же просто бросается в глаза. Если он станет обладателем небольшого капитала, какие перспективы перед ним откроются!.. А сколько в этом мире приятного для богатого человека и, конечно, для его жены: всеобщее уважение, авторитет, океанские яхты. Просто жалость берет, что он растрчивает себя по пустякам.

Дайлис взглянула на своего задумавшегося супруга.

– Вы тоже так думаете? Мне всегда казалось, что фирма его недооценивает.

– Все это происки мелких интриганов, конечно, – сочувственно произнес Бэтруэл. – Немало молодых дарований загублено ими. Но при известной независимости и, смею сказать, под руководством разумной и прелестной молодой жены я, право, не вижу причин, почему бы ему...

Но тут Стефен вернулся к действительности.

– Учебник Искушения, глава первая, не так ли? – презрительно фыркнул он. – А теперь не пора ли кончать с этим? Если вы сумеете реально посмотреть на

вещи, я готов поговорить с вами о делах.

Бэтруэл просветлел лицом.

– Ага! – воскликнул он. – Я так и знал, стоит вам обдумать хорошенько все выгоды нашего предложения...

Стефен остановил его.

– Постойте, – сказал он. – Итак, о реальных вещах... Во-первых, вы должны зарубить себе на носу, что я не собираюсь обсуждать с вами никаких условий, так что можете прекратить заигрывание с моей женой. Во-вторых – и это главное, – влипли-то вы, а не я. К примеру, как вы думаете вернуться в... э... ну, туда, откуда вы явились, если я не помогу вам?

– Мое предложение: помогая мне, помогите себе, – торжественно заявил Бэтруэл.

– Это всего лишь одна сторона дела, не правда ли? А сейчас слушайте меня. Перед нами три возможных пути. Первый: мы разыскиваем кого-то, кто подскажет нам нужное заклинание. Вы можете сделать это? Нет? И я тоже. Второй путь: я могу попросить священника изгнать вас. Думаю, он был бы рад оказать эту услугу. Ведь впоследствии его могли бы канонизировать за стойкость в борьбе с искушениями...

Бэтруэл содрогнулся.

– Только не это, – запротестовал он. – В XVI веке так обошлись с одним моим другом. Это была мучительная процедура, он до сих пор никак не оправится. Потерял всякую веру в себя.

– Чудесно. В таком случае у нас есть еще третья возможность. Имея в наличии кругленькую сумму денег, я (не связывая себя никакими обязательствами, разумеется) берусь найти человека, который согласится заключить с вами договор. И тогда, имея на руках скрепленный подписями договор, вы сможете смело доложить у себя там, что ваша миссия увенчалась успехом. Как вам нравится такой вариант?

– Ничего хорошего в нем не нахожу, – быстро ответил Бэтруэл. – Вы просто хотите получить у нас сразу две концессии за полцены. Наша бухгалтерия никогда не пойдет на это.

Стефен печально покачал головой.

– Не удивительно, что ваша фирма прогорает. За тысячи лет своего существования она, кажется, и шагу не сделала вперед от идеи обыкновенного заклада. И вы уже готовы вложить собственный капитал там, где вам предоставляется возможность взять чужой. Так вы далеко не уйдете. Послушайте мой план: вы ссужаете меня небольшой суммой, получаете свой договор, и единственный капитал, который вам при этом придется выложить, это каких-нибудь несколько шиллингов и то из моего кармана.

– Не понимаю, каким образом это можно сделать, – с сомнением произнес Бэтруэл.

– Можно, уверяю вас. Правда, вам придется задержаться здесь на несколько недель. Будете жить у нас...

А теперь скажите, вы умеете играть в футбол?

– В футбол? – растерянно повторил Бэтруэл. – Не думаю... Что это такое?

– Вы должны будете досконально изучить правила и тактику игры. Самое главное в ней – это точность удара по мячу. Если мяч попадает не совсем туда, куда предполагал направить его игрок, мяч потерян, потерян шанс, не исключено, что таким образом проиграна и игра. Понятно?

– Да, пожалуй.

– Тогда вы должны понять и то, что даже легкий толчок локтем – всего на какой-нибудь дюйм – в критический момент может многое изменить. И тогда не будет никакой нужды в неспортивной грубости, телесных повреждениях. Нужных результатов можно достигнуть, не вызывая никаких подозрений. А для этого нужно только, чтобы один из ваших чертенят – из тех, которых вы используете для своих шуточек, – своевременно и кого надо чуть-чуть подтолкнул под локоть. Устроить это не так уж трудно для вас.

– Да, это совсем просто, – согласился Бэтруэл. – Но я все-таки не понимаю...

– Ваша беда, старина, что вы безнадежно отстали от времени, – сказал Стефен. – Дайлис, где у нас справочник по спортивным играм?

Через полчаса Бэтруэл уже проявлял осязаемое знание игры и ее возможностей.

– Действительно, – сказал он, – стоит немного подучить технику, и тогда ничего не стоит устроить ничью, или даже поражение нужной команде... ничего не стоит.

– Точно! – радостно воскликнул Стефен. – И вот как это делается. Я заполняю купон, выкладываю на него несколько шиллингов, чтобы все было честь-честью. Вы ведете матчи, а я огребаю в тотализаторе приличные суммы – и никаких дурацких вопросов со стороны инспектора по налогам.

– Все это, конечно, хорошо для вас, – заметил Бэтруэл. – Ну, а я-то, как я получу свой договор? Если вы, конечно...

– Ага, вот тут мы подходим к следующей стадии, – ответил Стефен. – В уплату за мои выигрыши я берусь найти вам клиента, скажем, в течение шести недель, а? Договорились? Тогда давайте заключим соглашение. Дайлис, дорогая, принеси-ка нам лист бумаги и немного крови... о, какой же я болван, кровь-то у меня есть, своя...

Пять недель спустя Стефен подкатил на своем «бен-тлее» к подъезду Нортпарк Отеля, а минутой позже из подъезда вышел Бэтруэл. Идею о том, чтобы поселить Бэтруэла в своем доме, пришлось отвергнуть после первых же двух дней знакомства с ним. Жажда искушать была второй, совершенно не поддающейся контролю натурой Бэтруэла. Это оказалось несовмести-

мым с семейным спокойствием, поэтому Бэтруэла переехали в отель, где искушать было куда менее затруднительно и где перед ним открылись широчайшие возможности.

Теперь, выйдя из вращающихся дверей отеля, он предстал человеком, непохожим на того Бэтруэла, каким он впервые явился в гостиной Стефена. Хотя роскошные усы остались, бакенбард уже не было. Фрак уступил место серому сюртуку отличного покроя, потрясающий цилиндр – серой фетровой шляпе, а серый шарф – полосатому галстуку, который решительно ничем не напоминал гвардейский. Теперь это был зажиточный мужчина лет сорока, привлекательной наружности и, несомненно, принадлежащий ко второй половине двадцатого века.

– Лезьте в машину, – предложил ему Стефен. – Бланк договора с вами?

Бэтруэл похлопал себя по карману.

– Он у меня всегда с собой. На всякий, знаете ли, случай... – произнес он, когда машина тронулась.

Первый тройной выигрыш Стефена вопреки его надеждам не остался незамеченным. Попробуйте скрыть от людей неожиданное наследство в двести двадцать тысяч фунтов стерлингов! Перед следующей победой Стефен и Дайлис приняли все меры к тому, чтобы выигрыш остался неизвестен, – а он составил еще двести десять тысяч фунтов стерлингов. Когда же пришло

время выплатить Стефену по третьему чеку – двести двадцать пять тысяч, – у администрации возникло некоторое сомнение – она не то чтобы отказывалась платить, об этом не могло быть и речи: предсказание на купоне было написано чин-чином – чернилами, по всей форме, – но тем не менее администрация призадумалась и решила послать к Стефену своих представителей. Один из них, серьезный молодой человек в очках, принялся растолковывать Стефену закон вероятности и вывел число с потрясающим количеством нулей, представляющее якобы количество доводов против возможности выиграть подряд три раза тройную сумму.

Стефена это явно заинтересовало. Его система, заявил он, оказалась лучше, чем он предполагал, раз она устояла против невероятности, выраженной таким астрономическим числом.

Молодой человек пожелал познакомиться с системой Стефена. Стефен отказался говорить о ней, но признался, что не прочь обсудить некоторые ее детали с главой Стадиона м-ром Грипшоу.

И вот они едут на беседу с самим Сэмом Грипшоу. Главное управление Стадиона располагалось возле одной из новых магистралей, немного в глубине, за ровной лужайкой и клумбой с цветущими сальвиями. Швейцар в галунах отдал честь и открыл дверцу машины. Через несколько минут их провели в просторный

кабинет, где Сэм Грипшоу стоя приветствовал их. Стефен пожал ему руку и представил своего компаньона.

– М-р Бэтруэл, мой советник, – пояснил он. Сэм Грипшоу бросил беглый взгляд на Бэтруэла, затем взгляделся пристальнее. На какой-то момент глава Стадиона будто призадумался. Потом он снова обратился к Стефену:

– Итак, прежде всего должен поздравить вас, молодой человек. Вы величайший победитель за всю историю нашего Стадиона. Говорят, шестьсот пятьдесят пять тысяч фунтов... Кругленькая сумма, весьма кругленькая, в самом деле. Однако, – покачал он головой, – вы же понимаете, так дальше продолжаться не может. Не может продолжаться...

– О, почему бы и нет? – дружески заметил Стефен, когда все сели.

Сэм Грипшоу опять покачал головой.

– Один раз – удача, второй раз – необыкновенная удача, третий уже дурно пахнет, четвертый может пошатнуть все предприятие, пятый будет означать почти банкротство. Никто ведь не поставит и шиллинга против дохлого дела. Это же ясно... Итак, у вас есть своя система?

– У нас есть система, – поправил Стефен. – Мой друг, м-р Бэтруэл...

– Ах, да, м-р Бэтруэл, – сказал Сэм Грипшоу, снова внимательно его разглядывая. – Полагаю, вам не

очень хочется посвящать меня в вашу систему?

– А как вы думаете? – спросил Стефен.

– Думаю, что нет, – сказал Сэм Грипшоу. – Но и вы... Не можете же вы до бесконечности продолжать это...

– Только потому, что это разорило бы вас? Разумеется, это нам абсолютно ни к чему. Честно говоря, в этом и состоит причина нашего визита к вам. М-р Бэтруэл собирается вам что-то предложить.

– Послушаем, – сказал м-р Грипшоу.

Бэтруэл встал.

– М-р Грипшоу, у вас прекрасное дело. И будет чрезвычайно обидно, если публика вдруг потеряет интерес к вам, обидно и за публику и за вас. Останавливаться на этом нет надобности хотя бы потому, что я знаю, вы воздержались от широкого оповещения публики о третьем выигрыше моего друга м-ра Трэмона. Смею сказать, вы поступили мудро, сэр. Это могло бы вызвать некоторое охлаждение, уныние... Однако я могу предложить вам способ, с помощью которого вы навсегда освободитесь от угрозы возникновения подобной ситуации. И это не будет стоить вам ни пенни. Но все-таки... – Здесь им овладел дух искушения, и он стал похож на художника, который взял в руки свою любимую кисть.

Сэм Грипшоу терпеливо выслушал его вплоть до заключительных слов:

– ...и в уплату за это – за эту пустую формальность,

я бы сказал, – я обязуюсь не помогать больше ни нашему другу, м-ру Стефену Трэмону, ни кому-либо другому в... э-э-э... предсказаниях. С кризисом, таким образом, будет покончено, и вы сможете продолжать свое дело с той убежденностью, которой, я уверен, ваше дело заслуживает.

Роскошным жестом он достал из кармана бланк договора и положил его на стол.

Сэм Грипшоу взял договор и просмотрел его. К несказуемому удивлению Стефена, он согласился, не колеблясь ни минуты.

– Вроде бы все так. Боюсь, мне нечего возразить. Хорошо, подписываю.

Бэтруэл счастливо улыбнулся. Он выступил вперед с маленьким аккуратным перочинным ножичком в руке.

Поставив подпись, Сэм Грипшоу обернул чистым платком свое запястье. Бэтруэл взял договор, отступил на шаг, помахивая бумагой, чтобы высохла подпись. Затем с видимым удовольствием рассмотрел ее, осторожно сложил договор и положил его в карман.

Он посмотрел на них, сияя улыбкой. От восторга он снова потерял представление о времени и отвесил свой элегантный поклон в стиле восемнадцатого века.

– Ваш слуга, джентльмены! – и исчез неожиданно, не оставив после себя ничего, кроме слабого запаха серы в воздухе.

Последовавшее за этим молчание прервал Сэм

Грипшоу.

– Ну вот, от него мы избавились... он не появится здесь, пока кто-нибудь еще не вызовет его, – с удовлетворением сказал он и с задумчивым видом повернулся к Стефену. – Итак, вы не в проигрыше, молодой человек, верно? Вы положили в карман более полумиллиона, продав ему мою душу. Вот это я понимаю, деловые способности! Мне бы ваши способности, когда я был молод.

– Вы, однако, не очень-то расстроены, а? – со вздохом облегчения заметил Стефен.

– Да, этот договор меня нисколько не беспокоит, – ответил м-р Грипшоу. – Пусть беспокоится он там. А вам и невдомек, а? Вот уже тысячи лет, как он и ему подобные занимаются этим делом, и до сих пор никакой системы. А ведь сейчас в любом деле самое главное – это организация, то есть чтобы все нити были в ваших руках и вы бы знали, что к чему и где что. А эти... они просто старомодны. Много воды утечет, прежде чем они постигнут самое главное.

– Да, не особенно искусны, – согласился Стефен. – Но признайтесь, то, чего он добивался, он все-таки получил.

– Ха! Дайте срок. Он еще заглянет в картотеку, если, конечно, они имеют представление о картотеке... Откуда, по-вашему, я взял капитал для своего Стадиона?..